

Максимилиан Раин

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Р18

Серия «Попаданец»
Выпуск 74

Оформление обложки *Станислава Дудина*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Раин, Максимилиан

Р18 Внук Донского : роман / Максимилиан Раин. — Москва : Издательство АСТ ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 480 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-118349-3

Умирающий подросток Дмитрий, сын удельного князя Юрия Дмитриевича Звенигородского и Галицкого, получает память нашего современника и выздоравливает. Но не все приближённые отца рады выздоровлению наследника.

В это время назревает смертельное противостояние между отцом княжича Дмитрия и кликой бояр княгини Софьи, не по праву поставивших на престол великого княжества Московского её сына — малолетнего Василия. На кону стоят не только интересы власти, но и само существование Руси. Ведь за спиной правительницы Софьи стоит её могущественный отец — правитель Литвы Витовт.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-118349-3

© Максимилиан Раин, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

Вечерело. Я гнал свой боевой жигуль по колдобинам давно не отремонтированной дороги. Немного не рассчитал со временем. Не предполагал, что придется тащиться с черепашьей скоростью. До райцентра уже не доеду. Хоть деревеньку какую-нибудь повстречать, к старушке одинокой на постой напроситься. Ночью по таким дорогам ехать самоубийственно.

Потребовалось прийти на помощь своему другу Андрею — привезти из далекой костромской глуши известную старуху-знахарку. Давний мой друг. Вместе служили в одном подразделении спецназа. В наших кругах помогать было принято даже незнакомым людям. Мать Дрона угасала прямо на глазах, а врачи уже десятый диагноз ставили. Друган как услышал где-то про эту бабку, так и насел на меня. Дело не в том, что ему некогда. Просто за мной закрепились репутация неотразимого уговаривателя. Организую мысли и эмоции женщин в правильном направлении. А старухи, они те же женщины.

Взял отпуск за свой счет и рванул в эту экспедицию. Чипэнддейл недоделанный. Нет, не подумайте, что я злюсь. Наоборот. Знаю, что ради меня все мои друзья любую жопу на куски порвут в зоне досягаемости.

Асфальтированная двухрядка уныло тянулась через дремучие костромские леса. Я засматривался на

окружающие виды, благо, что никто мне не мешал в этом занятии. Во время поездки ни одна чадящая отрыжка цивилизации не попадалась. Обогнал только телегу со стариком и понурой лошадейю. Красивые вековые ели и сосны величественно обступали узкую трассу. Смолистый воздух вкусно врывался в легкие. Я просто балдел в реальном времени.

Понятно, что ничего хорошего не могло продолжаться вечно. За очередным поворотом меня, обалдевшего, сбил лосяра... Или я его сбил? Короче, мы оба друг друга сбили. Лось в лежку, так и мой верный коняга тоже, если мог бы, улечься. Ну и я... Поплохело как-то.

Не помню, сколько я там пролежал. Помню только, как пришел в себя в старой халупе. Разбудил меня резкий запах обосравшейся собаки. Потом оказалось, что так овчина пахивала, на которой я распротёрся. Накатила боль в голове и груди. Я застонал. Раздался старческий шамкающий голос с непонятной пока половой принадлежностью:

— Очнулся, милоч. Как же ты так убился? Осторожней надо в наших-то лесах.

Поднесли к губам питье. Я глотнул. По телу разлилась освежающая прохлада. Боль притихла. На автомате пробормотал слова благодарности.

Понемногу глазам вернулось зрение. В полутемной комнате, освещаемой тусклой лампой, хлопотала старушка с колоритной внешностью Бабы-яги. Во рту у нее торчал только один зуб. Я невольно улыбнулся.

— Бабуля, а вы меня потом не скушаете?

Бабулька затряслась в беззвучном смехе.

— И-и-и, сынок, такого статного молодца со всей душой отвела бы, да только зубы все лешим позакладала.

— Спасибо вам, бабушка! — вновь решил я поблагодарить спасительницу, — А с моей машиной что? И как вы меня до дома дотащили?

— Не знаю я, что с твоей машиной сотворилось. Выздоровеешь, к Федосею сходишь вызнать. Заодно и поблагодаришь его. Он тебя на своей телеге привез.

Проговорив это, старушка принялась снимать бинты. Раны еще кровоточили. Она вдруг обмакнула палец в мою кровь и с причмокиванием пососала.

— Кровь у тебя, милоч, важная. Многое тебе дано. Нужно только время и место знать, куда силушку твою, пращурами заповеданную, приложить.

Меня эти непонятные манипуляции и слова начали немного напрягать. Я сказал, что мне вообще-то надо ехать дальше. Друга из беды выручать.

— Все в порядке с твоим другом будет. А ты лежи, здоровей. Куда с такими ранами собрался ехать? — строго изрекла бабушка.

Утром она поднесла в глиняной чашке мутный напиток и приказала выпить. Я беспрекословно отхлебнул малоприятную маслянистую жидкость. Резко накатила тошнота и слабость, закружилась голова, сознание померкло.

1

— Гнетуха¹ и дыхи нутрены зле² явлены. Мощи животны³ отрока⁴ скудеху⁵, — послышался уверенный мужской голос с едва заметным восточным акцентом.

¹ *Гнетуха* — лихорадка.

² *Зле* — худо, люто, тяжело, жестоко.

³ *Живот* — жизнь.

⁴ *Отрок* — мальчик от 7 до 12 лет.

⁵ *Скудеху* — скудные, недостаточные.

— Опияша зелием лихим сокола ясна, изверги Васильевы! — внезапно раздался истошный старческий вопль.

Разразились крики, которые затем стали удаляться. Мне осталось только недоумевать странному концерту в старушечьей избе. Можно было, конечно, разобраться с некими Васильевыми, отравителями соколов, но веки были сладко и дремотно тяжелы, не хотелось ими двигать. Как и всем телом. Оно было словно бы не моё. Предоставил хозяйке разбираться со своими чокнутыми гостями и ушел в долину грез.

Проснулся вновь от того, что меня безжалостно трясли. Явно этим занималась не старуха. Чего же тут все до меня докопались? Если немедленно не отстанут, то пусть потом не обижаются, вытирая кровавые сопли. Надоедливый, воняющий луком тип, кроме трясения, еще периодически слюнявил мне лицо своей бородой. Блин, это уже слишком...

— Пошел ты нах, понял? — гаркнул я, не открывая глаз.

— Камо¹ ми² пешити?³ — недоумённо переспросил приставучий тип и внезапно заорал густым басом, — Он рече⁴, друзи мои. Рече!

Пришлось приоткрыть глаза и внимательно рассмотреть участников глумления над моей тушкой. Вместо старухиной избы обнаружилось странное помещение с деревянными сводами и узкими окнами. Возле меня терлись участники фольклорного ансамбля в расшитых узорами рубахах и цветастых штанах. Ближе всех ко мне находился дородный мужчи-

¹ *Камо* — куда.

² *Ми* — мне; *мя* — меня.

³ *Пешити* — идти.

⁴ *Реци* — сказать, говорить, нарекать, обещать; *рех (рекох)* — я сказал; *рек (рекл)* — ты сказал; *рече* — он сказал.

на с харизматичной мордой, заросшей мощной рыжей порослью. Фактурный мужичок, чем-то на Джигурду смахивающий, в рыжем варианте. Актер, с амплуа бандитов, бунтарей и сумасшедших.

— Сыне мой, живой! — радостно воскликнул Джигурда.

Розыгрыш это, что ли? Куда это меня старушка передала? Ладно, подыграю шутникам:

— Куда я денусь, папанька?

В глазах мужчины промелькнуло удивление, но он ничего не сказал и повернулся к мужчине восточного типа. Мужик тот, скорее всего, был у них за доктора. Они стали живо обсуждать моё лечение. Причём возникали странные предложения по прижиганию стоп. Странные, если не сказать более резко, рекомендации. Мне страшно хотелось спать, и я, хныкнув, заявил об этом.

— Почни, аще¹ хошь, — согласился папанька и сделал жест, чтобы все удалились.

После вышел сам.

Потом я проснулся от ещё более немилосердной тряски. Меня куда-то перевозили в театральном возке. Такими, наверное, в глубокой древности люди пользовались. Со мной тряслась полная женщина, явно ненормальная из-за странного макияжа. Лицо покрывали густые белила, круги румян на щеках и широкие чёрные брови. Увидев меня, она улыбнулась и поднесла крынку с каким-то травяным настоем, приговаривая:

— Почни, наш соколик ясны. Ужо приеде вборзе².

Ага, уснёшь тут. Трясёт так, что кишки были готовы выпрыгнуть из одного места, объятые ужасом. На

¹ *Аще* — если.

² *Вборзе* — вскоре.

асфальте, что ли, тут экономят? И почему все здесь как-то странно выражаются? От напитка, или от сильной слабости снова погрузился в глубокий сон.

Следующим разом проснулся на мягкой перине в широкой кровати. Подушки были настолько необъятные, что приходилось почти сидеть. Потолки и стены деревянного сводчатого помещения были расписаны под старину разноцветными узорами. Разбудила меня всё та же чокнутая баба. Пришла звать меня отобедать со слашавой улыбкой на раскрашенном лице и с идиотскими определениями в мой адрес. Хотелось запустить в неё подушкой, но от слабости пришлось ограничиться только вежливым посыланием в неизведанные дали. Спать хотелось невыносимо. Она ушла, кажется, ничего не поняв.

Мой дискант мне не показался странным. Доводилось умирающим лебедем валяться по госпиталям. Приходил ещё какой-то тип с дребезжащим голосом по тому же поводу, которого я тоже послал. Он расфырчался, потому что обедней оказалась церковная служба. Они тут что, с ума совсем посходили? Больного человека на молитвы загонять. Я понимаю, что сейчас модно свечки по церквам держать, но не до такой же степени. В религиозном фанатизме не был никогда замечен. Только против естественного начала не попрешь. Придётся поднимать свой спецурский зад до ветра.

Сверкать голой попой музейным работникам не было настроения. Поискал глазами какие-нибудь штаны. Нашел какую-то холщовую ночнушку, только без рукавов. Елки кучерявые! Чего с моими руками случилось? Усохли, что ли? И тело будто бы не мое. Тощее какое-то и без родинок на привычных местах. Интересная у меня болезнь. Может быть, с глазами

что-то случилось? Зеркало бы какое-нибудь найти. Пошлепал босыми ногами по длинным помещениям и переходам. Почему-то встречавшиеся женщины сильно смущались, взвизгивали и чуть ли в не обморок падали от моего вида. На себя бы посмотрели. С такими крашеными мордами только ворон в огороде пугать. Развели тут, понимаешь, идиотский фестиваль, а туалетов не сыскать. Ещё притворялись, приколисты, непонимающими. Глаза круглили. Однако, как же мне хреново! Еле брёл, пошатываясь от слабости.

Во дворе молча разыскивал кустики с желательным малолюдьем, с трудом сдерживая рвущиеся наружу телесные жидкости. Было неожиданно жарко. Наверное, бабье лето настало, и сентябрь решил оставить о себе лучшие впечатления. Сколько же я тогда без памяти провалялся? Неделю, не меньше. Босые ноги пришлось запачкать.

Меня нагнали два бородача и принялись напяливать на тело фольклорную одежонку. Злобно сообщил, что готов устроить для них всех ласковый дождь, от которого грибов не будет, если не прекратится эта надоевшая самодеятельность. Мужики, врубившись в проблему, доверительно сообщили мне, что гадить я мог и у себя в спальне. Для такого холопы приспособлены с ночной вазой. Я с огромным трудом смог поймать падающую челюсть. Мочевой пузырь не позволил мне покрутить у черепа рукой. Ладно, если в этом учреждении так принято, то пусть будут ночные вазы с холопами. Надеюсь, что рано или поздно этот идиотизм все равно закончится. Интересно, за какую зарплату тут согласились придуриваться?

Холопами оказались двое малахольных пацанов лет под пятнадцать на вид. Они торжественно внесли

деревянную бадью, как обычно разукрашенную узорами. Сверху неожиданно расположился стульчак. Поставив принесенный агрегат, парни замерли истуканами, опустив очи долу. Я подождал некоторое время, потом взорвался вулканом матерных страстей, сообщив извращенцам, что показ моих гениталий будет им очень дорого стоить. Пареньки, толкаясь и подвывая от страха, шустро вымелись из спальни. С запозданием заметил еще одно маленькое ведерко с водой и лежащие рядом серые тряпочки. Бессильно матюгнулся. Никогда ещё меня так не унижали.

Так, надо скорей понять, что вообще происходит вокруг? Стоп... Почему эти люди так странно ко мне обращались, словно я в дурку попал? «Сокол ясный», «надежа», «господин»... Чем больше я думал, тем меньше вразумительных объяснений находилось. Лучшая мысль была, что я сплю, но боль от щипков была реальной. Всё вокруг было так правдоподобно.

Выглянул за дверь. Два «холопа» шустро вскочили с лавки и бухнулись на колени. Попросил их не переигрывать и, подозвав чернявого с узким, живым лицом, предложил:

— Приятель, смажь мне по морде со всей силы.

Чернявый вдруг снова шлепнулся на колени и попытался поцеловать мои руки, чему я решительно воспротивился.

— Пощади, господине! — выл он, заливаясь слезами.

Жуткая догадка кольнула сердце.

— Какой нынче год? — задал я другой вопрос пареньку.

— Сие не ведомо¹ нам. Не гневайся, княжич! — жалобно проговорил чернявый.

¹ *Ведати* — знать, уметь, мочь; *вем* — я знаю; *веси* — ты знаешь; *вемы* — мы знаем.

— Княжич? Хм... А в каком мы тогда княжестве, тебе ведомо? — продолжил я расспросы.

— В Галицком, вестимо¹.

Из истории, которую я знал хорошо, потому что со школы увлекался ею, вспомнил, что было два таких средневековых русских княжества с одинаковыми названиями. Одно, более раннее, располагалось к западу от Киева. Другое, более позднее, возникло в верхневолжских лесах во времена Александра Невского, вернее его младшего брата Константина Ярославича — первого князя этого удела. Выходит, что я провалился на несколько веков назад? Это объяснило бы странную трансформацию моего тела и прочий заворот мозгов с холопами и бабами крашеными.

— А какой князь сейчас тут правит? — продолжил допрос.

— Юрие Димитриевич, тей отич, господине, — последовал почтительный ответ.

Только теперь заметил, что говорил и воспринимал слова, сильно отличающиеся от тех, к которым привык. И это не вызывало у меня никакого дискомфорта. Словно некий интерфейс в фоновом режиме помогал мне как-то тут адаптироваться.

Знал одного только Юрия IV Дмитриевича², князя Звенигородского и Галицкого, третьего сына Дмитрия IV Донского. Правил на северо-востоке Руси на рубеже четырнадцатого и пятнадцатого веков. Боролся за великий престол с племянником, князем Московским Василием III Васильевичем. Имел четырех сыновей: Ивана, Василия, Дмитрия и еще раз

¹ *Вестимо* — конечно, само собой разумеется, да.

² Василий II Дмитриевич, Юрий IV Дмитриевич — используется нумерация правителей по занимаемому престолу Владимирскому.

Дмитрия. Сейчас я вызнаю свое имя и с учетом возраста смогу примерно определить год:

— А как меня самого звать?

Холоп с некоторым страхом посмотрел на меня, но ответил:

— Димитрием, господине.

Опять — двадцать пять. Теперь как сформулировать вопрос про какого Дмитрия из двух? Один был по кличке «Шемяка», другой вроде бы «Красный», но прозвища обычно давались в течение всей жизни, может быть даже в зрелом возрасте. Стоп! Князь Юрий переселился в Галич из Звенигорода только после воцарения племянника в Москве в 1425 году, а через восемь лет захватил Москву, став великим князем... Шемяка должен уже быть в возрасте молодого мужчины, но никак не подростка. Методом исключений идентифицировал себя. Я — Дмитрий Красный. Правда, так меня в будущем обзовут. Народу чем-то понравился. Осталось только разобраться с точной датой своего попадания.

За размышлениями позабыл, что передо мной на коленях стоит человек, хоть и пацан. Или это интерфейс меня так отформатировал? Спихватившись, велел ему подняться.

— Господине, леть¹ нам бадейку пояти²? — жалобно попросил чернявый.

— Еще бы не леть! Всю жизнь мечтал спать возле унитаза. Тебя-то как кличут?

— Жданом се рекомах³.

— А приятеля твоего как?

¹ *Леть* — можно.

² *Пояти* — взять, иметь.

³ *Рекомах се* — нареченный.

— Его Устином рек, господине, — махнув в сторону своего компаньона, сообщил Ждан.

Тощий и нескладный блондин, услышав свое имя, на всякий случай рухнул на колени.

Вытащив бадейку, парни спешно вернулись и стали обряжать меня в белую полотняную рубаху и синие штаны. Несмотря на жару, напялили ещё голубой кафтан, расшитый золотыми завитками, чем-то напоминающими абстрактные цветочки. Подпоясали кожаным поясом с вышитым серебристым узором. На ногах оказались сафьяновые сапожки кроваво-красного цвета. Причем на каждом сапоге по бокам были расписаны позолотой дурацкие птицы.

2

Знакомая уже женщина повела меня в одном ей ведомом направлении. Я оказался в большой комнате со стоящим посередине столом, накрытым узорчатой скатертью. Поодаль от него на лавке у открытых окон скучали представительные бородачи. В своих разноцветных расшитых кафтанах и колпаках они походили на киношных турецких вельмож. Поймав мой взгляд склонили голову, не вставая. Через мгновение они вдруг повскакивали и почтительно отвесили более низкий поклон. Оказалось, следом за мной зашёл Джигурда, тьфу, батюшка моего нынешнего тела. А за ним величаво вошла, деловито порывивая, настоящая рысь. Спокойно и даже лениво оглядевшись, она направилась ко мне, обнюхала внимательно и отошла к своей плошке на полу. Отец крепко обхватил меня за талию и буквально потащил к месту, куда я должен был присесть, приговаривая: